

Издание Советского детского фонда имени В. И. Ленина

Учительница написала на доске тему сочинения: «Твой товарищ».

«А есть ли у меня НАСТОЯЩИЙ товарищ? — подумал Андрюша. — С кем можно и в горы полезть, и в разведку пойти, и на дно Мирового океана нырнуть. Да и вообще — хоть на край света отправиться!..»

Андрюша подумал-подумал, потом еще раз подумал-подумал и решил: есть у него такой товарищ! И тут же в тетрадке большими буквами написал:

Зовут ее Клавдия Степановна, или просто бабушка Клава. Она родилась давным-давно, а когда выросла, то стала железнодорожницей. Бабушка Клава принимала участие в различных физкультурных парадах. Поэтому она такая смелая и ловкая...

Андрюша прочитал сочинение и вздохнул: не понравилось оно ему. Разве можно так скучно про бабушку писать?

«Нельзя», — подумал он.

И стал мечтать. О настоящих горах, в которых ни разу не был. Вот бы забраться на самые вершины!..

Туда, где вечные ледники не тают.
Где снежная лавина
срывается со скалы.
Где холодно даже в июле...
А в небе парят орлы...

Там горные тропы опасны.
В ущелье гремит камнепад.
Вот появляются снежные барсы —
в снегу от макушки до пят.

Выходят они на дорогу,
отменный у них аппетит!
И каждый из барсов за ногу
тебя ухватить норовит.

Приблизилась барсов орава.
От страха сползает ремень...
Но тут на вершину
вскарабкалась бабушка Клава —
проворная, будто олень.

Рюкзак у нее за спиною,
а в нем — 28 котлет,
кусок африканского сыра
и даже китайский браслет.

И бабушка барсов кормила
минуты, наверное, две
и трудолюбивой рукою
их гладила по голове.

Насытились снежные барсы
и вежливо так говорят:
«Спасибо Вам, бабушка Клава,
за вкусный и сытный обед!..»
А потом почистили зубы и
отправились в логово подремать.

«Вот так бабушка! — подумал Андрюша. — С таким товарищем не то что в горах, но и в разведке ни капельки не страшно...»

И тут же представилось ему:

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...

Нет, лучше так:

Ночь. Озеро. Луна. Дубрава. А посредине — овраг. Одним словом, типичная военная обстановка...

В разведке чихать не положено!
Вон видишь — чернеет овраг?
Скрывается там неприятель —
народа советского враг.

Как выскочит он из канавы,
как вытащит свой пистолет,
как спросит у бабушки Клавы:
«А сколько Вам, бабушка, лет?».

Но бабушка Клава не дрогнет —
такой уж она человек!
(нет, лучше так:
она человек уж такой!)
Поэтому даже не дрогнет,
снимая мешок вещевой.

А в том вещмешке по уставу
положено: 20 котлет,
бутылка топленого масла
и даже трамвайный билет.

Покормится наш неприятель,
вздохнет не по-нашему он:
«Спасибо Вам, бабушка Клава!
Это быль отшень питательный
угощенье...»
И сразу же свой пистолет подальше в море выбросит.

Андрюше теперь мечталось хорошо: он ясно представил себе, как пистолет медленно опускается на самое дно Мирового океана. Ух, и глубоко же!..

Водой омывая полмира,
бурлит океан Мировой.
На дне у него очень сыро
бывает ночною порой.

Вода там и слева, и справа —
поэтому нечем дышать...
Но славная бабушка Клава
отважно умеет нырять!

А в глубоководной долине
усатый лежит кашалот.
Он думает горькую думу
и косточку тихо грызет:

«А кто это там плавниками
шевелит, как рыба-пила?
Позвольте, да это же сами...
да это же бабушка Кла...»

От радости у кашалота
дыхание сперло в зобу —
не может он вымолвить слова,
а только бубнит: БУ-БУ-БУ...

А бабушка из акваланга
достала 12 котлет,
вишневую банку варенья
и даже ромашек букет.

А кашалот знай себе бубнит: «Спаси-БУ БУ-БУ-шка, спаси-БУ БУ-БУ-шка...» — и от счастия лишь пузыри разноцветные пускает.

И поднимаются те пузыри на поверхность — туда, где край воды. Или край воздуха... в общем, настоящий край света. И Анрюша вместе с ними поднимается. Уж ни земли, ни воды, ни воздуха не видно. Сплошное безвоздушное пространство. Космосом оно называется. А Земля где-то далеко тусклым огоньком мерцает. И тает, тает...

Растаяла наша планета,
а с нею и наша страна.
Не видно тут белого света,
но бабушка Клава видна!

Она возле звездных окраин,
среди межпланетных миров
летает, как Юрий Гагарин,
а может, как Герман Титов.

В скафандре у бабушки Клавы
припрятано 8 котлет,
кастрюля с куриным бульоном
и даже будильник «Рассвет».

Глядят астрономы Вселенной
на вкусный и сытный обед
в большие свои телескопы
и шлют благодарный привет:

СПАСИБО ВАМ ЗПТ
БАБУШКА КЛАВДИЯ СТЕПАНОВНА ЗПТ
ВАШУ МАТЕРИНСКУЮ ЗАБОТУ
ИМЕНИ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
ТЧК

Гремит всенародная слава —
гремящий разносится звук:
«Да здравствует бабушка Клава,
а также и бабушкин внук!».

И даже созвездия в небе —
Весы, Скорпион и Стрелец —
приветствуют бабушку с внуком...
На этом закончу:

К О Н Е Ц

Рисовала Н. ШМИДТ

И вовремя! Потому что как раз звонок прозвенел.

«Эх, жаль, — вздохнул Андрюша, — урок такой короткий...»

Он вспомнил, что у него есть еще одна бабушка. Зовут ее Елена Герасимовна, или просто бабушка Лена. Она тоже родилась давным-давно. И тоже...

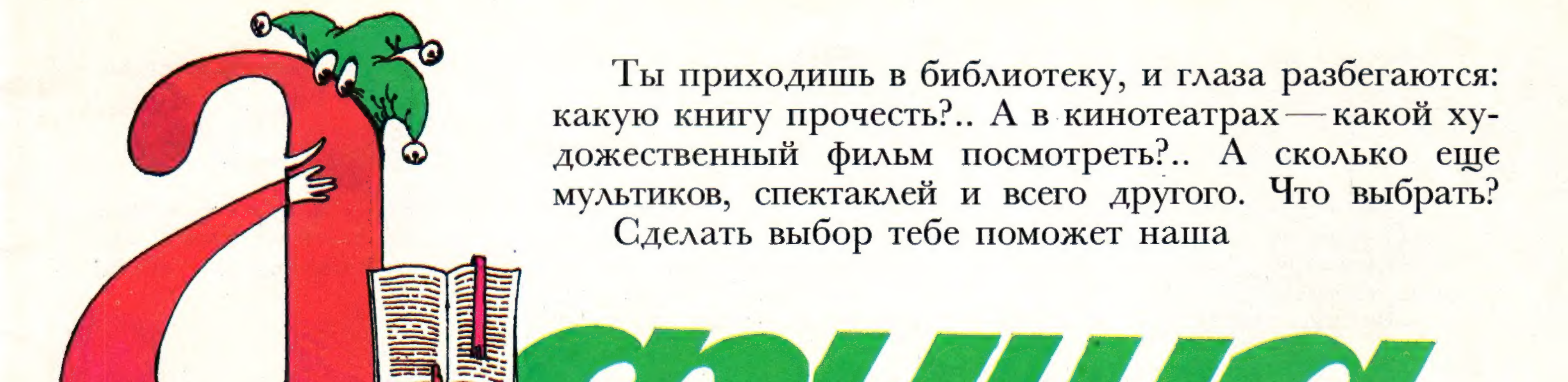
«Ладно, — решил Андрюша. — Обязательно напишу о ней в другой раз...»

И подписал сочинение:

Андрюша ИВАНОВ,
внук бабушки Клавы (и бабушки Лены тоже).

Ты приходишь в библиотеку, и глаза разбегаются: какую книгу прочесть?.. А в кинотеатрах — какой художественный фильм посмотреть?.. А сколько еще мультиков, спектаклей и всего другого. Что выбрать?

Сделать выбор тебе поможет наша

* * *

Закройте глаза и повторите заклинание: «Мадикен, Пимс, Юнибаккен!». Когда вы научитесь произносить его без запинки, снова закройте глаза и повторите десять раз подряд: «Бюллербю!». Когда и это заклинание будет освоено, можете идти в библиотеку и смело спрашивать там новую повесть шведской писательницы Астрид ЛИНДГРЕН «МАДИКЕН И ПИМС ИЗ ЮНИБАККЕНА». В этой же книжке вы найдете и ее веселую повесть «Мы все из Бюллербю», которая уже издавалась раньше.

* * *

К счастью для героя повести Чарлза РОБЕРТСА «РЫЖИЙ ЛИС», в детстве ему не внушали, что обманывать плохо. Потому что надувать людей и собак иногда просто необходимо, если они так и норовят навредить вам!

Так считает Рыжий лис. Прав он или нет — в любом случае стоит познакомиться с ним поближе, потому что лис умный, смелый и симпатичный, а книжка очень интересная! Об этом можно судить даже по нескольким строчкам: «Лиса вмиг словно окутало, закрыло облако беспощадно бьющих крыл, в шею ему глубоко вонзилось что-то острое, раскаленное, с неистовой силой его ударило чье-то тяжелое и одновременно мягкое тело, так что лис покатился вниз по доске и больно стукнулся об пол...»

КОГДА слова забываются — они умирают. И особенно грустно, что быстрее всего умирают ласковые и нежные слова. Ведь они самые беззащитные. Вот послушайте:

Когда ветерок такой теплый, так
его хочешь собрать в горсточку,—
ветерок, мой ветерок...

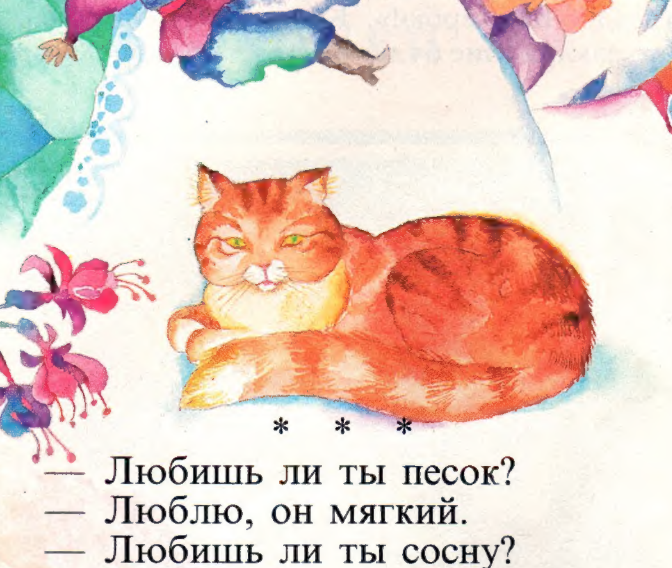
Мы перечитали эти строчки, и вдруг — что за чудо! — слова ожили. И мы радуемся, будто получили долгожданный подарок. Только не думайте, пожалуйста, что такой подарок взялся ниоткуда, просто так появился вдруг. Рассказы, стихи — это странички, которые вырывают из своей Книги жизни писатели, поэты и дарят вам.

Вот так дарила свою жизнь людям поэтесса и художница

Елена Генриховна ГУРО

Она родилась давным-давно, еще до Октябрьской революции. И сегодня мы передаем вам ее подарки — маленькие фантазии из книги «Небесные верблюжата», вышедшей в 1914 году. О них все давно забыли, и слова умерли. Оживите их! И не расстраивайтесь, если не поймете чего-то сразу. Ведь все мы УЧИМСЯ ПОНИМАТЬ.

* * *

— Почему ты ни за что не принимаешься? Уж не день ли Святого Лентяя у тебя сегодня!

— Ну, лентяя ты уж оставь. Каждый месяц бывает только 5 дней Св. Лентяя:

1. Когда мне не хочется. 2. Когда я никак не могу собраться. 3. Когда я собираюсь завтра начать. 4. Когда почти совсем было начал работу, да надо отдохнуть. 5. Когда мне все трын-трава.

* * *

— Любишь ли ты песок?

— Люблю, он мягкий.

— Любишь ли ты сосну?

— Люблю, если к ней прижмешься щекой с солнечной стороны — она теплая...

А ты любишь лошадь?

— Люблю. У нее милые ноздри.

— Ты любишь ли море?

— Да. Я заметил, в тихие дни оно любит меня.

— Ты любишь ли землю?

— Как вы можете это спрашивать, ведь она... она — мне мать!

* * *

— Мама, а Дон Кихот был добрый?

— Добрый.

— А его били... Жаль его. Зачем?

— Чтобы были приключения, чтобы читать смешно.

— Бедный, а ему больно, и он добрый. Как жаль, что он уже умер. А он умер давно?

— Ах, отстань, не все ли равно. Это сказка, Леля, Дон Кихота не было никогда.

— А зачем же написали книжечку тогда? Мама, неужели в книжечке налгали?

— Ты мешаешь мне шить, пошла спать.

— Если книжка лжет, значит, книжка злая. Доброму Дон Кихоту худо в ней. А он стал живой, он ко мне приходил вчера, сел на кроватку, повздыхал и ушел... Был такой длинный, едва ногами плел...

— Леля, смотри я тебя накажу, я не терплю бессвязную болтовню.

ОСЛЕНОК

Бежит осленок — повода закинуты на шею. На нем сидит принц — и в глазах несет Весну.

Он сидит бочком, сложив с царственным достоинством ноги.

Это принц, и править ему незачем.

Я не знаю, чем это кончилось. Может быть, осленок споткнулся,— принц полетел в грязь, и, когда он поднимался перепачканный, смущенный и увидел свою корзиночку испорченной и прелестные растения рассыпанными, ему было ужасно стыдно тех, кто прошествовал мимо в незапятнанных одеждах, полный достоинства.

Мне это неинтересно знать. Для меня важно знать одно:

Бежал осленок, и им никто не правил,— на нем сидел принц, а в глазах он нес Весну.

Однажды зимой Елена Эдиповна Ванильская поехала отдыхать к Черному морю. Но купаться в зимнем море она не решилась. Елена Эдиповна бродила по хмурому берегу с учебником индейского языка, потому что была полиглотом. Нет-нет, полиглоты учебников не глотают! Они просто-напросто обожают изучать иностранные языки.

В тот день Елена Эдиповна как раз изучала воинственный клич индейцев племени майка. Увлекшись, полиглот Ванильская визжала и размахивала учебником, как томагавком, когда море вдруг выплеснуло на берег сосуд. Елена Эдиповна подбежала к нему. Сосуд оказался запечатанной античной амфорой. А в ней лежал свиток...

Это был, пожалуй, первый случай, когда Елене Эдиповне пригодилось знание языков. Остаток отпуска она посвятила переводу свитка с древнегреческого на современный русский язык и выяснила, что свиток содержал рецепты античной кухни.

Возвратившись домой из отпуска, Елена Эдиповна первым делом бросилась жарить и парить, дабы проверить точность своего перевода на практике. Свиток не врал — получилось

ВКУСНО !

Тогда Е. Э. Ванильская сообщила нам о своей находке. Мы ознакомились с древним документом и с удовлетворением отметили, что он написан гекзаметром. Не путайте гекзаметр с метрдотелем! И не думайте, пожалуйста, что это такой древнегреческий фломастер.

ГЕКЗАМЕТР — это особый ритм стиха, строгий порядок чередования ударных и безудар... а впрочем, не будем вдаваться в нудные подробности. Вслушайтесь в музыку этих строк!

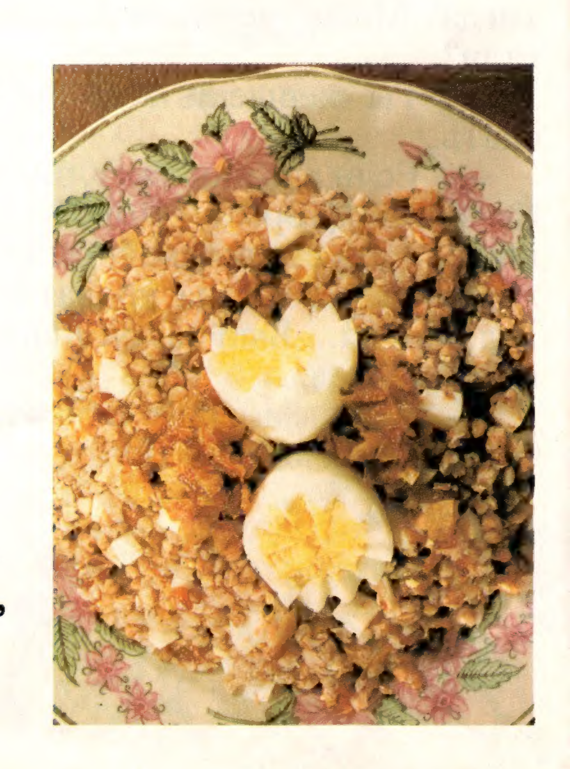
Так звучали и поэмы великого Гомера...

Горе хозяйке, когда к ней ввалились незваные гости:
Пуст холодильник ее, заперт давно гастроном!
Смотрит с тоскою она на кусок пошехонского сыра,
Черствого хлеба батон, яблоки, яйца и лук.

Ты не печалься, а лучше свари-ка обычную гречку!
(Если, конечно, не жаль тратить такой дефицит.)
Да не забудь отварить и четыре яичка вкрутую
И порубить их ножом, с жареным луком [1] смешав.

Если почувствуешь ты, что готова уже твоя гречка,
К луку и яйцам ее нужно присовокупить.
Ноздри щекочет гостям дух древнегречневой каши!
А перед кашей подать можно прекрасный салат.

Чтобы состряпать салат, сыра возьми граммов двести,
Яблока три [2], пять яиц, лука головку [3]... и всё [4].
Яблоки с сыром на терке натри, свари пять яичек —
И наруби их, а лук также помельче нарежь.

**Ну, а теперь все смешай хорошенько, залей майонезом —
Вот и готов твой салат! Ставь его быстро на стол.
Только сначала поджарь [1] несколько ломтиков хлеба,
Сыром их тертым осыпь — плавится пусть и шкворчит.**

**Гости ликуют: хорош к салату поджаристый хлебец!
Ты же, хозяйка, не спи — яблок осталось штук пять [5].
Вырежи им сердцевинки, сложи их на донце кастрюльки,
Донце водичкой залей, в яблочки сахар [6] насыпь.**

**Крышкой накрыв, поставь на огонь их томиться.
Мягкими станут — так знай: блюдо готово уже.
Сыт и доволен твой гость, только запомни, хозяйка:
Лучше незваных гостей в дом вообще не пускать!**

---

[1] на сливочном масле.
[2] несладких.
[3] небольшую.
[4] кажется!
[5] да и те неважные.
[6] тоже дефицитный!

От редакции:

Мы попросили прокомментировать античный документ нашего консультанта — доктора пищевых наук Э. Е. ШОКОЛАДКИНУ. Вот что она сообщила.

Рукопись, найденная Е. Э. Ванильской, еще раз подтверждает догадку ученых, что древние греки любили ходить в гости. Там они особенно увлекались луком (и чесноком тоже). До наших дней даже дошла древнегреческая народная поговорка:

Лук грызи и жуй чеснок —
будешь ты красив, как грек!

Люди античной эпохи умели нарезать лук, не пролив ни единой слезинки. Для этого они — ВНИМАНИЕ! —

а) никогда не наклонялись слишком близко к луку;

б) постоянно смачивали нож холодной водой;

в) старались дышать ртом, а не носом.

Самые же опытные при этом еще и поджимали левую ногу, что также способствовало...

Но вернемся к свитку. Блюда, предложенные неизвестным античным поваром, вкусны и несложны. Поэтому я настоятельно рекомендую всем детям попробовать их приготовить самим!

Фотографировал А. БОРОДИН

СЕМЬ МАМ СЕМЕНА СИНЕБОРОДЬКО

Григорий ОСТЕР

В Лавровом переулке рассказывают, что однажды Семен Синебородько спросил:

— Папа, ты супа не видел? Или котлет?

— Нет,— сказал папа.— А ты не знаешь, куда моя чистая рубашка делась?

— Не знаю. И маму я тоже давно не встречал.

Стали папа с сыном звать маму из кухни, а она не идет. Пошли искать. На кухне нет, в ванной нет, в туалете нет. В комнатах тоже никого, и коридор совершенно пустой. Только грязный.

Наконец на кухонном столе под кучей немытых тарелок нашли записку: «Больше так жить не могу. Ухожу навсегда. Мама».

— И все? — удивился папа.— Больше ничего не написано?

— Написано. Число и месяц.

Поглядел папа на число, огорчился:

— Три дня назад ушла. Как мы ее прозевали?

— Так ведь котлеты,— говорит Семен,— только сегодня кончились. Нет, папа, ты как знаешь, а я без мамы жить не могу. Мне котлеты нужны.

— Да разве ее,— вздохнул папа,— догонишь теперь? У нее же три дня форы.

— Тогда,— говорит Семен,— придется нам с тобой новую маму в дом брать. Уж очень котлет хочется. С супом. И компота я бы сейчас пару кружечек тяпнул.

Папа сыну своему ни в чем не отказывал. Да ему и самому компот нравился. Походил папа по улицам, поискал, привел домой новую маму. Вторую. Симпатичная мама попалась. Молоденькая.

— Вот это,— говорят ей папа с сыном,— кастрюли, это сковородки. Вот газовая плита сразу на четыре конфорки. А магазин у нас — как выйдешь, направо за углом.

Надела новая мама фартук и — за дело. Сначала все хорошо шло, а через неделю — чувствуют папа с сыном: что-то не так. Еды нет, посуда грязная, мусор везде валяется. И на самом видном месте записка:

«Это не жизнь — кошмар какой-то! Прощайте навек!»

Нахмурился папа, надел свою самую красивую рубашку наизнанку, чтоб чище смотрелась, снова искать пошел.

Третья мама оказалась женщиной средних лет. Не такая уж красавица, но ничего — терпеть можно. Открыла она дверь в ванную, а оттуда на нее разные майки, рубашки посыпались. И штаны.

— У вас тут,— спрашивает мама,— шкаф?

— Нет,— говорит Семен.— Мы сюда грязную одежду кинули — по коридору ходить мешала.

Засучила третья мама рукава, взялась за работу. Только вскоре папа Семену новую записку показал. С очень сердитыми словами. А записки четвертой и пятой мамы показывать не

стал. Там такие слова были... нельзя их детям показывать.

Дольше всех у них шестая мама продержалась. Совсем старенькая была, ходила плохо. Папа с сыном нарочно такую выбрали, чтоб сама уйти не могла. Она и не ушла. Уехала на «скорой помощи». Даже записку оставить не успела.

Следующую целый месяц искали, найти не могли. Наконец привел папа седьмую маму. Глянул на нее Семен — засомневался. А потом говорит:

— Ладно. Это даже лучше, что страшненькая. Крепче нас любить будет. Зато вон какая с виду выносливая и коренастая!

И действительно, некоторое время коренастая мама держалась. Полы мыла, по магазинам бегала, варила, стирала, убирала. Особенно здорово у нее получалось носки находить. Обнаружит один под подушкой, наморщит лоб, подумает — и прямым ходом на кухню, достает из чайника второй. Старалась она так, старалась, а потом говорит:

— Нет, не могу больше. Мне здоровье дороже. Пойду в больницу лягу, а в какую — не скажу, чтоб вы меня никогда не нашли.

Хотели папа с сыном маму руками удержать, но у нее все-таки еще немножко сил осталось: вырвалась — и бежать.

— Да что ж это такое, сынок,— говорит папа,— у нас все мамы разбегаются.

Попробовали они одни пожить, чувствуют: нет, не выходит.

— Папа,— говорит Семен,— давай вместе пойдем новую маму искать.

— Хорошо, сынок. Только давай темноты дождемся. Мы с тобой давно уже без мамы живем. Нам теперь не стоит людям днем на глаза попадаться.

— Почему это?

— А ты сам на нас в зеркало погляди.

Поглядел Семен в зеркало — стоят там двое... Худющие, обросшие, грязные, оборванные.

— Неужели,— удивился Семен,— это мы?

— Мы, сынок...

В Лавровом переулке рассказывают, что папе с сыном больше не удалось заманить к себе ни одну маму. Говорят, они до сих пор бродят по ночным улицам — ищут. Или спрячутся где-нибудь в подворотне и ждут. Услышат шаги, насторожатся, вглядываются с надеждой: может, это какая-нибудь мама идет? Но нет, не мама это. Мамы по ночам спят и не гуляют по темным переулкам. А папе с сыном чаще всего попадаются милиционеры.

Рисовал В. ЧУГУЕВСКИЙ

Тамара КРЕВЕТКО

Однажды вечером художник Вадим ехал домой на трамвае, как вдруг раздался противный скрежет, и трамвай резко затормозил.

— Это что за безобразие! — крикнул кому-то вагоновожатый.— Вы почему нарушаете правила трамвайного движения?

Пассажиры выскочили из вагона и увидели, что прямо на рельсах перед трамваем стоят диковинные сани, а на них восседает очень странный господин. Щеки господина пылали, глаза блестели, шуба была вся в снегу, а с цилиндра капало.

— Эх, господа! — радостно крикнул нарушитель трамвайного движения.—

ДО ЧЕГО ЖЕ СЛАВНОЙ БЫВАЕТ МАСЛЕНИЦА!

Я еще в феврале на сани-то как сел, да как разогнался... только вот сейчас и затормозил.

Тут господин оглядел хмурых пассажиров и слегка смутился:

— Однако же, господа, простите великодушно! Я, кажется, немного вас потревожил... Собственно, мне хотелось лишь напомнить вам о масленице. Но что я вижу? Неужели в конце XX века не будут знать, что это такое?

— Будут, — неуверенно сказали пассажиры, — если вы нам...

Но странный незнакомец уже говорил взахлеб:

— Позвольте, господа, я вам все расскажу. Обычай праздновать масленицу очень древний. Это праздник окончания зимы, наступления весны, улучшения погоды, возрождения природы!.. С давних времен в деревнях сооружали к празднику соломенное чучело масленицы, торжественно сжигали его и разбрасывали золу по полям. Да ведь и в самой природе происходит нечто подобное: тлеет прошлогодняя трава, растет из этого тлена новая! И неспроста на масленицу все пекут блины — круглые, золотистые и горячие, как весеннее солнце!

Тут только рассказчик заметил, что стоит в луже воды.

— Это снег из прошлого! — воскликнул он.— Ведь масленицу празднуют в конце февраля — начале марта. Так что кругом еще снег, и даже морозы бывают... Да, забыл сообщить: праздник продолжается целую неделю!

— Ну и ну, — позавидовали пассажиры.

— А теперь представьте городскую ярмарку и народное гулянье! — Мокрый господин мечтательно прикрыл глаза.— Ледяные горы высотой с четырехэтажный дом! Заберешься, глянешь вниз — дух захватывает. И в санках с горы — ух!.. Летишь стрелой по ледяной дорожке! Если не свалишься, конечно...— добавил господин, оглядывая себя.

Отряхнув шубу, он продолжал:

— А катание на санях? Несутся по улицам до полусотни саней разом! И тут тоже главная прелесть в том, что можно всей компанией вывалиться в сугроб. А сколько вокруг ярмарки шума и визга! Крики торговцев, звуки шарманки, стук бубна, пение рожков!.. Артисты, свесившись с балкончиков, зазывают в свои балаганы: «Женщина-паук — без ног, без рук! Почтеннейшие господа, остальное ерунда! Пять копеек за вход — небольшой расход!» Рядом хохочет кукольный Петрушка, ревет ручной медведь, факиры шпаги заглатывают, огонь поедают...— Тут рассказчик вытер вспотевший лоб.

— А сколько всякой вкусности кругом! — продолжал он с новой силой.— Блины горячие, орешки кедровые, семечки, изюм! А еще грецкие орехи, сладкие стручки, пряники, кренделя, конфеты! И, конечно же, горячий сбитень!

— Эх, — вздохнули пассажиры.

— Рядом бойко торгуют игрушками, побрякушками, расписной деревянной утварью. Все пестро, ярко, нарядно, необычно: и костюмы артистов, и наряды гуляющих, и афиши на стенах! Но самое интересное...

Пассажиры так увлеклись рассказами странного господина, что никто даже не заметил, как художник Вадим уселся в диковинные сани. А те вдруг — раз! — да и поехали сами — прямо по рельсам.

— Ну вот, — улыбнулся господин.— Не выдержал художник! В прошлое укатил. Побегу догонять, а то как бы чего не вышло там. С непривычки-то...

Вскоре и фигура незнакомца скрылась в наступивших сумерках.

Пассажиры еще долго глядели на большую лужу, а потом нехотя побрели к вагону. Трамвай осторожно двинулся по маршруту. За поворотом он уж почти было разогнался, как вдруг опять послышался противный скрежет, и трамвай резко затормозил.

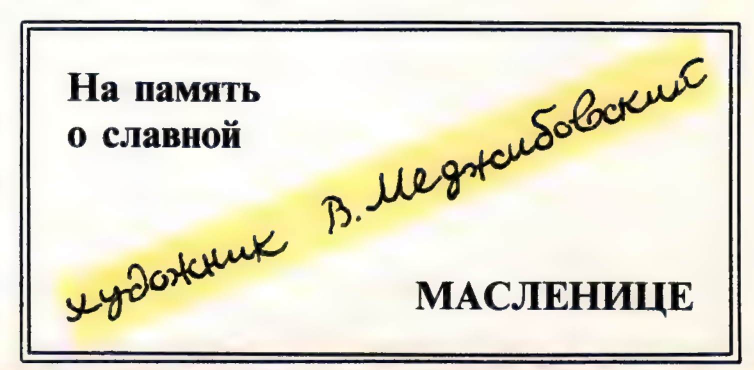
— Это что за безобразие! — крикнул кому-то вагоновожатый.— Вы почему нарушаете пра...

Но пассажиры уже гурьбой высыпали из вагона. Так и есть: на рельсах стояли те же диковинные сани, а в них восседал художник Вадим — собственной персоной. Щеки Вадима пылали, глаза блестели, куртка была вся в снегу, со шляпы капало, а в руке он держал толстый румяный дымящийся блин...

— Ну?! — нетерпеливо закричали пассажиры.— Что же на масленице самое интересное? Рассказывайте скорее, товарищ!

— Не могу, — вздохнул Вадим.— Там все интересно... Я лучше вам нарисую.

И он нарисовал для всех пассажиров трамвая вот такие две картины.

ЛЕДЯНЫЕ ГОРЫ

Съехав вниз, раскатившиеся санки пробегали еще около 100 метров. Это развлечение было так популярно, что горы начали сооружать даже летом. Их электрифицировали и, наверное, потому стали называть «американскими». Сами же американцы до сих пор называют этот аттракцион «русскими горами».

ВОЖАК С МЕДВЕДЕМ

Дрессированные медведи всегда имели успех на Руси. Обычно выступала троица: вожак, медведь и мальчик, наряженный козой. Случалось, правда, и наоборот: коза была настоящей, а медведя изображал ряженый человек. Но не было случая, чтобы настоящие коза и медведь выступали вместе.

БЛИНЫ

— вкусная примета масленицы. В поваренной книге, изданной в 1904 году, мы нашли рецепты «царских блинов», «блинов прекрасных на пшенной кашице»—и выбрали ПРЕВКУСНЫЕ МАННЫЕ БЛИНЫ:

Вскипятить 1 стакан молока, всыпать 2/3 стакана манки, положить 1/2 ложки масла, сварить кашу, как обыкновенно, остудить. Незадолго перед обедом всыпать 3/4 стакана муки, разбавляя 2 стаканами молока и 1/4 стакана воды, взбить 1-2 желтка, всыпать соли; размешать до гладкости, жарить на маленьких сковородках. Подать к ним сахар.

СБИТЕНЬ

Это горячий напиток из меда с пряностями. Разливали его из большущих медных баклаг, укутанных для теплоты одеялами. А вот рецепт настоящего русского (московского) сбитня.

Взять 1/2 кг белой патоки, 100 г меда, 1 г корицы, 3 бутона гвоздики, 1 чайную ложку молотого имбиря, 5 горошин черного перца, 3 столовые ложки сухой мяты, 3-4 капсулы кардамона, 2 звездочки бадьяна, 3 л кипятка.

Распустить в кипятке патоку и мед, прокипятить 15 минут. Всыпать пряности и прокипятить еще 10 минут. Сбитень готов!

С. ОЛЬТИН

Шли однажды девочки мимо весенней лужи.

Ника и говорит:

— Хочешь, Яна, я эту лужу перепрыгну?

А ка-а-ак прыгнет... Да прямо в лужу!

Что тут началось! Брызги летят, воробьи кричат, Ника хохочет, Яна визжит.

А лужа ругается:

— Безобразие какое! Ни днем, ни ночью покоя нет. То машину в меня поставят, то голубь купаться прилетит. Мальчишки корабли пускают, истоптали всю. Ни поспать, ни на солнышке погреться. А тут еще какие-то девочки непонятные прыгать вздумали — меня, гладкую, тревожить.

— Извините, — говорит Ника.— Я думала, это весело.

Лужа успокаиваться не хочет, ворчит:

— Выходи из меня, девочка непонятная, не мути ты мою поверхность.

Тут Ника обиделась.

— Я, — говорит, — очень даже понятная девочка. А вот ты, лужища непонятная, разлеглась на дороге — ни пройти, ни перепрыгнуть!..

Яна вокруг лужи бегает, за подружку заступается.

— Ты, — говорит, — лужа, скоро высохнешь, один асфальт останется. Мы на этом асфальте мелом город нарисуем.

Вышла Ника из лужи, сбегала домой за мелом. Сели девочки у лужи. Наблюдают...

— Что это вы тут сидите? — волнуется лужа.

— Да вот, — говорят девочки, а сами вокруг лужи мелом обводят.— Ждем, когда ты высохнешь. Будем тогда здесь город рисовать.

— А я возьму и не высохну! — говорит лужа.

— Высохнешь.

— Не высохну, дождь пойдет.

— А вот и высохнешь.

— А вот и нет!

— А вот и да!

Услышали тут мамы девочек и увели их домой — ужинать и спать.

Наутро вышла Ника во двор, а лужа ей кричит:

— А я вот и не высохла!

И с тех пор, как Ника или Яна мимо лужи идут, та знай себе твердит:

— Не высохла я.

И через день:

— Не высохла!

И через неделю:

— Не высохла, не высохла...

Такая вредная лужа была.

Пока не высохла.

Рисовал И. ОЛЕЙНИКОВ

Читатель Н. ПЕТРОВ-ДЕВЯТОВ

доставил в редакцию журнала необычный документ — записную книжечку, замызганную, заполненную скверным почерком, будто курица лапой водила. Мы открыли ее наугад и прочитали: «Дневник — это мой

ТАЙНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Кому еще могу я с такой доверчивостью открыть душу?..»

Любопытство взяло верх, и мы принялись читать записи с самого начала.

4 марта 19.. года. Все путешественники ведут дневники. Каждый день они записывают, сколько километров пройдено, что было увидено и так далее. Вел дневник Беринг, открывший Берингов пролив, и Пржевальский, нашедший лошадь Пржевальского в пустыне Гоби. И Ливингстон вел дневник, пересекая африканский континент с востока на запад, и все великие капитаны вели дневники (на корабле это называется «судовой», или «бортовой журнал»). Например, Христофор Колумб записал: «12 октября 1592 года. Два часа утра. На горизонте показалась земля». А если бы он поленился это записать, то мы бы так и не узнали, когда была открыта Америка. И это было бы очень обидно. Очень, очень обидно!

Но пора, кажется, покушать. Пора! Пора!

* * *

5 марта. Продолжаю свою мысль.

Для настоящего путешественника, землепроходца, мореплавателя дневник — такая важная вещь, что он без колебания бросит любую добычу, снаряжение, даже оружие, лишь бы спасти свои дневниковые записи. Без них путешествия как бы и не было.

Мне возразят: ну хорошо, в путешествиях случается много интересного и необычного. Но зачем вести дневник, если мы никуда не едем, а сидим, что называется, на своей жердочке?

А вот и не так! Мы тоже едем, только сами этого не замечаем. Из сегодня в завтра, из понедельника во вторник, из осени в зиму. Разве знаем мы, что случится в той удивительной стране, где еще никто никогда до нас не побывал — в той неведомой стране, которая зовется ЗАВТРА? Все мы путешественники во времени, и это самое захватывающее и необыкновенное приключение на свете. Так как же не вести записей?

Надо, обязательно надо. Так говорит мой хозяин. Он очень добрый. Добрый Боря! Добрый!

Он ведет дневник, и я тоже буду. Буду!

* * *

6 марта. Продолжаю свою мысль.

Итак, неумолимая Сила вещей уносит нас вниз по реке Времени — все дальше и дальше.

Возникает вопрос: а нельзя ли двинуться вспять, как бы против течения? Возможно ли такое?

Вот именно, что возможно — если открыть старый дневник. Мы вновь увидим берега, мимо которых когда-то проплывали.

Дневник — не только Зеркало и Копилка, Зеркало души и Копилка памяти. Это — путеводная нить, которая поможет вам ориентироваться в лабиринте лет, это те камушки, которые бросал Гензель, чтобы не заблудиться в лесу. Помните?..

> «Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камушка к камушку, — а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорожку. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке».
>
> Не ленитесь бросать камушки!

Если честно, я лишь повторил то, что говорил мне Боря. Он часто рассуждает со мной и читает мне разные сказки. Для моего образования. Например, сказку про мальчика Гензеля и девочку Гретель. Ее написали братья Гримм. Вдвоем. Вдвоем все легче, не правда ли? Но пора ложиться спать. Собственно, даже не ложиться, а садиться, потому что двуногие пернатые в отличие от двуногих бескрылых спят сидя.

Пора садиться спать. Нахохлюсь и буду видеть сны. Пора. Арра, пора!

* * *

8 марта. Дневник — это мой тайный собеседник. Кому еще могу я с такой доверчивостью открыть душу? Ведь не хозяину же! В последнее время он меня едва замечает. По-моему, он увлечен этой фифочкой Лидочкой, которая что-то слишком зачастила к нам в гости. Интересно, что он записывает в свою тетрадку после ее ухода? Узнать нетрудно, если перелистать страницы, когда Боря уходит на кухню ставить чайник. Но: **порядочные люди (и порядочные птицы) никогда не читают без разрешения чужих дневников и писем**!

Другое дело, если они напечатаны согласно воле автора или его наследников. Обычно это бывает в тех случаях, когда записи представляют историческую или литературную ценность.

После подавления восстания декабристов Пушкин был вынужден сжечь свои Записки, опасаясь ареста и обыска. Ведь многие его друзья, о которых шла речь в дневнике, были в числе восставших.

В эпоху всеобщей слежки и шпионства — не только за людьми, но даже и за их мыслями — дневники становятся опасными для своих владельцев. Тайная полиция слишком любит совать в них свой нос.

Слава богу, мы живем в другое время!

Да и кто может догадаться, что маленький замызганный блокнотик в моей клетке, на котором стоит блюдечко с водой, не просто подставка, а мой личный дневник?

Абсолютно никто!

Хитрый Арра! Арра хитрый!

* * *

11 марта. Сегодня я решил улететь от своего хозяина. Я устал от сердечных мук, которые разрывают мне грудь. От этого скандального предпочтения, которое он оказывает своей Лидочке. Вчера он читал ей стихи. Те самые, мои любимые! —

Зачем от гор и мимо пашен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? Спроси его...

Нет, это уж чересчур! Клетка открыта, форточка тоже. Я оставляю свои записи. Пусть не раз и не два перечитает он эти строки в минуты тоски и напрасных сожалений! Но будет уже поздно.

А быть может, мой дневник представляет и литературную ценность? Правда, он написан не очень разборчиво. Но ничего. Если его перепечатать, переплести в хорошенькую книжечку да украсить картинками... Ах, не стоит думать о будущей славе: дыхание перехватывает от этих мыслей.

ПОСЛЕДНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ АРРЫ, ГОВОРЯЩЕГО ПОПУГАЯ, ЖЕЛАЮЩИМ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕГО ПРИМЕРУ И ВЕСТИ ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК НА ПОЛЬЗУ СЕБЕ И В ПОУЧЕНИЕ ПОТОМСТВУ

1. Выбирайте тетрадь в прочном переплете.

2. Старайтесь вести записи ежедневно. Но если не получается, можно и время от времени. Только не забывайте датировать каждую запись: ставить число, месяц и год.

3. В дневнике можно рисовать, вклеивать туда разные памятные сувениры (даже автобусный билет из того города, где вы побывали), делать выписки из книг и так далее.

Рисовал А. ДУБОВИК

Сценарий — Н. Ламм, Л. Яковлев
Похищение принцессы
Художник — Л. Насыров
НУЖНЫ МАЛЕНЬКИЕ ДЕВОЧКИ ДЛЯ ГЛАВНОЙ РОЛИ
КИНОСТУДИЯ
КАТЯ-А-А-!..
КУДА ОНА ПРОПАЛА?
СЦЕНАРИЙ
ДЕРЖИСЬ!

ОНИ ИСПОРТИЛИ ФИЛЬМ
НАОБОРОТ ПОЛУЧИЛОСЬ ЗДОРОВО!

КНИГА ЛАСКОВЫХ ИМЕН

Я вышел во двор и увидел знакомую девочку Свету. Она сидела, пригорюнившись, на скамейке.

— Ты чего горюешь? — спросил я.

— О-о-о-х... — вздохнула Света и пожаловалась. — Злодей-грубиян обозвал меня «Светка-фигнетка» и заколдовал. Теперь я не смогу веселиться, пока кто-нибудь не расколдует меня, назвав семью ласковыми именами.

— Сейчас сбегаю домой за одной книжкой и расколдую тебя, — пообещал я.

Вернувшись с книгой, я открыл ее на странице с именем «Светлана» и прочитал:

— Светуля, Светуня, Вета, Лана, Светунчик, Светланушка, Светлячок.

Как только я произнес седьмое ласковое имя, девочка заулыбалась, лицо ее расцвело и засветилось.

— Бежим расколдовывать девчонок! — крикнула она.

— А разве они тоже?.. — спросил я уже на бегу.

— Этот злодей-колдун тоже обозвал их, и они стали чахнуть...

Светину подружку, Наташу, мы нашли в самом дальнем темном углу двора. Она сидела в обнимку со снеговиком.

— Наталя, Натуля, Натуся, Ната, Таша, Таля, Тата, — прочитал я.

И Наташенька ожила, заулыбалась, ее бледные щеки зарумянились. А потом я расколдовал Светину подругу Олю, назвав семь ее ласковых имен:

— Ольгуня, Ольгуша, Олюся, Оляша, Лёна, Леля, Ляля.

— Если тебя не будет, а нас снова заколдуют грубым прозвищем, где мы найдем ласковые имена? — робко спросила меня Оленька, еще не совсем поверившая в свое спасение.

— Тогда вы бегите в библиотеку и возьмите «СЛОВАРЬ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН», — сказал я. — В нем вы найдете все ласковые имена.

Девчонок расколдовывал
Олег КИРИЛЛОВ

Рисовала Н. КУДРЯВЦЕВА

Я иду по коврУ.
ТЫ идешь по коврЕШЬ.
МЫ идем по коврЕМ...

Нет, так неправильно! Кто бы ни шел, все равно будет — по коврУ. Другое дело, если коврА нет. Или на том коврУ... то есть на коврЕ лежит злая собака. Тогда лучше вовсе не ходить на коврЕ... нет, теперь уже — на ковер.

Ох, и беда же с этим коврОМ... или коврАМ. В общем, с коврЯМИ. Особенно, если ты плохо знаком с падежЕЙ русскОМУ языкОМ! Их всего-то ШЕСТЬ: именительный, родительный... и так далее, но каждый отвечает еще на СВОИ ВОПРОСЫ. Как же это все запомнить?

Очень просто — нужно лишь выучить специальные стихи, которые придумал

Тихон ХОБОТОВ

СВИНЬЯ В ПОЛЫНЬЕ

Шла весной по льду *свинья*.
Ей попалась *полынья*.

Плюх!.. Торчит из *полыньи*
только хвостик от *свиньи*.

Мы скорее к *полынье*,
мы помочь хотим *свинье*.

Сами — чуть не в *полынью*,
но спасли-таки *свинью*!..

Недовольны мы *свиньей*:
разве шутят с *полыньей*?

Вспоминайте о *свинье*,
чтоб не плавать в *полынье*!

Рисовал В. БОГДАНОВ

Татьяна ПЕТРОСЯН

ЗАПИСКА

Сидорову

Записка имела самый безобидный вид.

В ней по всем джентльменским законам должна была обнаружиться чернильная рожа и дружеское пояснение:

Сидоров - КОЗЁЛ

Так что Сидоров, не заподозрив худого, мгновенно развернул послание... и остолбенел?

Внутри крупным красивым почерком было написано:

Сидоров, я тебя ЛЮБЛЮ

В округлости почерка Сидорову почудилось издевательство. Кто же ему такое написал.

Прищурившись, он оглядел класс. Автор записки должен был непременно обнаружить себя. Но главные враги Сидорова на сей раз почему-то не ухмылялись злорадно.

(Вот так они обычно ухмылялись. Но на сей раз — нет.)

Зато Сидоров сразу заметил, что на него не мигая глядит Воробьева. Не просто так глядит, а со значением!

Сомнений не было: записку писала она. Но тогда выходит, что Воробьева его любит?!

И тут мысль Сидорова зашла в тупик и забилась беспомощно, как муха в стакане. ЧТО ЗНАЧИТ ЛЮБИТ??? Какие последствия это повлечет и как теперь Сидорову быть?..

«Будем рассуждать логически, — рассуждал Сидоров логически. — Что, к примеру, люблю я? Груши! Люблю — значит, всегда хочу съесть...»

В этот момент Воробьева снова обернулась к нему и кровожадно облизнулась. Сидо-

ров окоченел. Ему бросились в глаза ее давно не стриженные... ну да, настоящие когти! Почему-то вспомнилось, как в буфете Воробьева жадно догрызала костлявую куриную ногу...

«Нужно взять себя в руки,— взял себя в руки Сидоров.

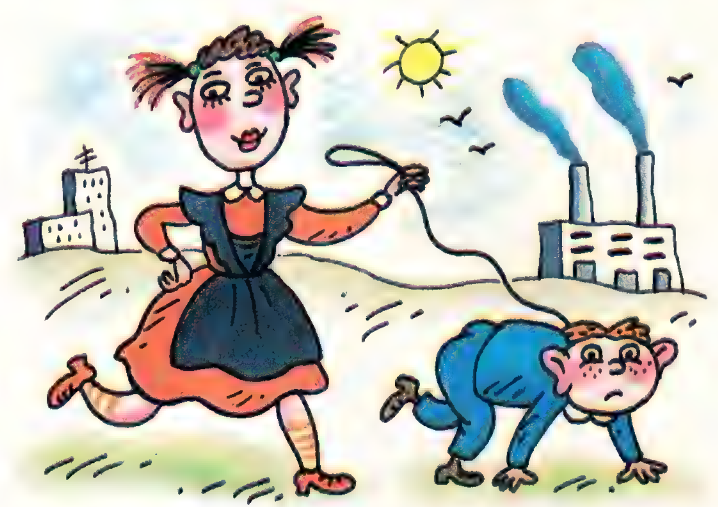
(Руки оказались грязными. Но Сидоров игнорировал мелочи.) — Я люблю не только груши, но и родителей. Однако не может быть и речи о том, чтобы их съесть. Мама печет сладкие пирожки. Папа часто носит меня на шее. А я их за это люблю...»

Тут Воробьева снова обернулась, и Сидоров с тоской подумал, что придется ему теперь день-деньской печь для нее сладкие пирожки и носить ее в школу на шее, чтобы оправдать такую внезапную и безумную любовь. Он пригляделся и обнаружил, что Воробьева — не худенькая и носить ее будет, пожалуй, нелегко.

«Еще не все потеряно, — не сдавался Сидоров.— Я также люблю нашу собаку Бобика. Особенно когда дрессирую его или вывожу гулять...»

Тут Сидорову стало душно при одной мысли о том, что Воробьева может заставить его прыгать за каждым пирожком, а потом выведет на прогулку, крепко держа за поводок и не давая уклоняться ни вправо, ни влево...

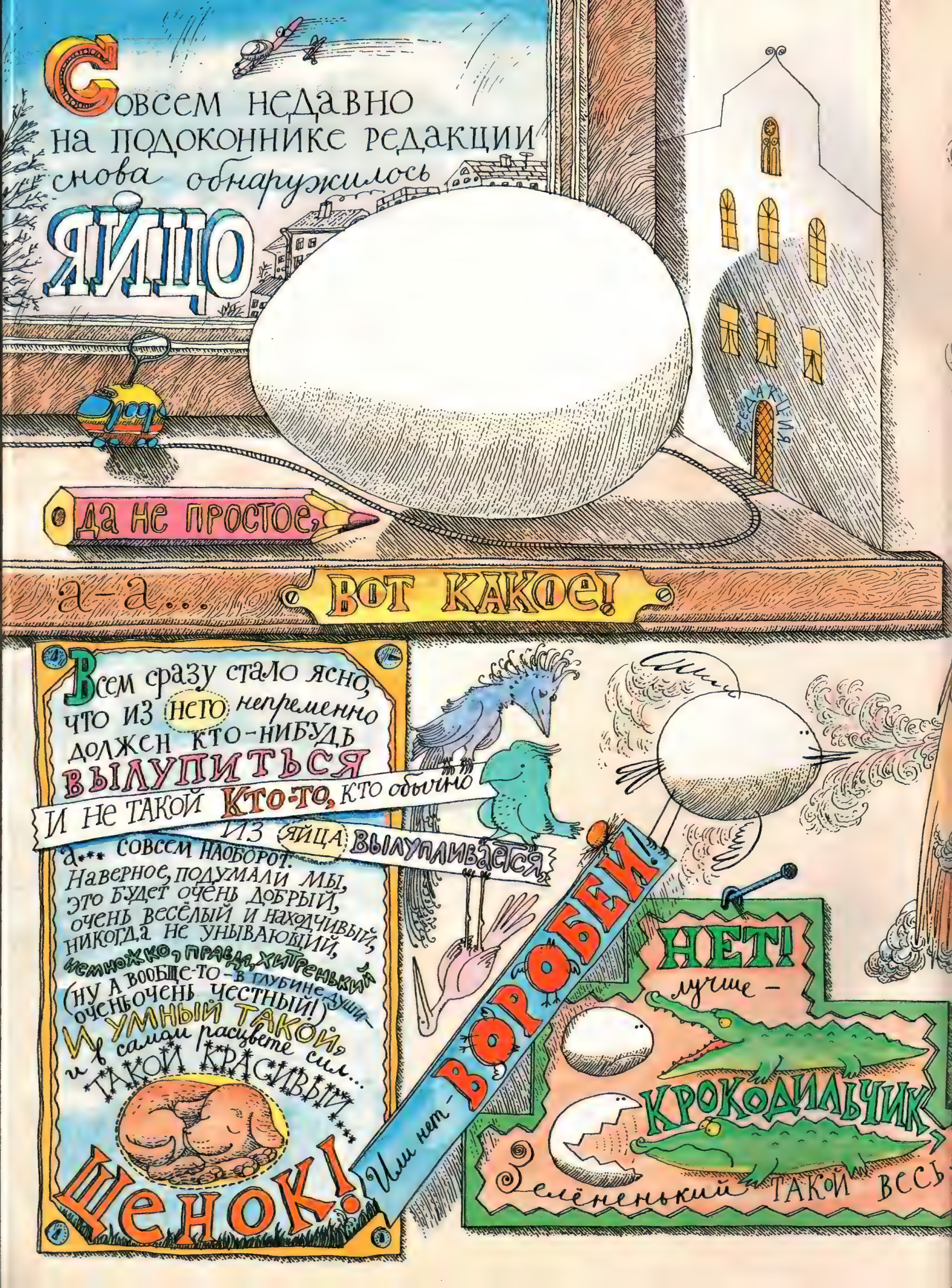
«...Люблю кошку Мурку, особенно когда дуешь ей прямо в ухо...— в отчаянии соображал Сидоров,— нет, это не то... мух люблю ловить и сажать в стакан... но это уж слишком... люблю игрушки, которые можно сломать и посмотреть, что внутри...»

От последней мысли Сидорову стало нехорошо. Спасение было только в одном. Он торопливо вырвал листок из тетрадки, сжал решительно губы и твердым почерком вывел грозные слова:

Рисовала И. ПШЕНИЧНАЯ

Пусть ей станет страшно.

Совсем недавно
на подоконнике редакции
снова обнаружилось
ЯЙЦО
да не простое,
а-а... ВОТ КАКОЕ!
РЕДАКЦИЯ
Всем сразу стало ясно,
что из него непременно
должен кто-нибудь
ВЫЛУПИТЬСЯ
И не такой Кто-то, кто обычно
из яйца вылупливается,
а... совсем наоборот.
Наверное, подумали мы,
это будет очень добрый,
очень весёлый и находчивый,
никогда не унывающий,
немножко, правда, хитренький
(ну а вообще-то – в глубине души –
очень-очень честный!)
И умный такой,
и в самом расцвете сил...
ТАКОЙ КРАСИВЫЙ....
ЩЕНОК!
Или нет – ВОРОБЕЙ!
НЕТ! лучше –
КРОКОДИЛЬЧИК,
Зелёненький такой весь.

Или НЕТ!!!
может быть...
Летающий
с пропеллером на спине (как у Карлсона)
пуск!
НЕТ, лучше РОБОТ
В общем, долго мы пытались представить себе этого... НЕ ЗНАЕМ КАК ЗОВУТ.
А ПОТОМ ПОДУМАЛИ, ЧТО лучше ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ НИКТО ЭТОГО НЕ РЕШИТ.
Ведь наш герой со временем должен стать ТВОИМ БОЛЬШИМ ДРУГОМ и надолго поселиться в «ТРАМВАЕ»
ПОЭТОМУ МЫ И ОБРАЩАЕМСЯ К ТЕБЕ: ПОМОГИ НАМ РЕШИТЬ
КТО вылупится из яйца
ЧТО у него будет за имя
КАК он будет выглядеть?
ПИШИ НАМ И РИСУЙ
Да поторопись, пока без твоего участия КОШМАР какой-нибудь не проклюнулся КАЩЕЙ какой-нибудь или ещё что похуже!
ОЧЕНЬ ЖДЕМ!

Цыпленок по имени АГАША
никогда не вырастет в большую и скучную курицу!

Фотографировал
А. БОРОДИН

Придумала
Т. ГЕРКУЛЕСОВА

А появилась Агаша на свет случайно. У нас в редакции жила за пишущей машинкой курица Коряба. Каждое утро она сносила восемь яичек — по числу сотрудников журнала — и варила их нам на завтрак. Если кто-то уезжал в командировку, то с вечера предупреждал Корябу, чтобы она снесла на одно яичко меньше.

Но однажды один рассеянный журналист забыл предупредить Корябу, что пойдет в библиотеку. И она снесла лишнее яйцо. Что было делать? Хранить яйцо в редакции очень опасно: оно может разбиться и испачкать рукопись, на него может случайно сесть посетитель! Все расстроились, а главный редактор даже рассердился.

Но тут одна сотрудница решила: «Выведу-ка я из этого яйца цыпленка!»

На обоих концах яйца она проделала иголкой по маленькой дырочке. Подула в одну — из другой вытекли белок и желток. Яйцо стало пустым.

Потом она взяла листок красной бумаги и вырезала из него два прямоугольника для ножек (1) и полукруг для клюва (2).

Прямоугольники скатала в трубочки и заклеила. Полукруг свернула, как фунтик, и тоже заклеила.

Из красной бархатной бумаги она вырезала четыре кружка и два из них надрезала до середины.

Потом приклеила трубочки-ножки к целым кружкам с изнанки, а сверху прикрыла надрезанными кружками. Потом снова взяла ножницы и вырезала лапки.

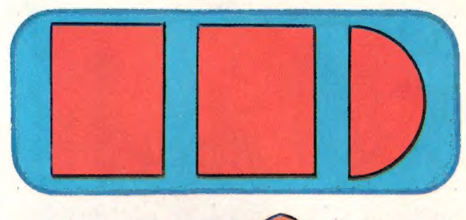
Готовые ножки и носик она приклеила к яйцу и покрыла для прочности несколькими слоями клея «БФ-6».

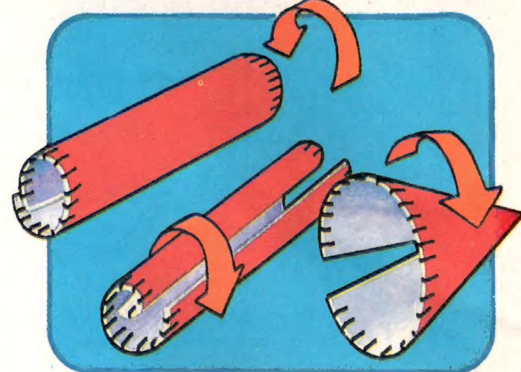
Из черных бусинок получились глазки.

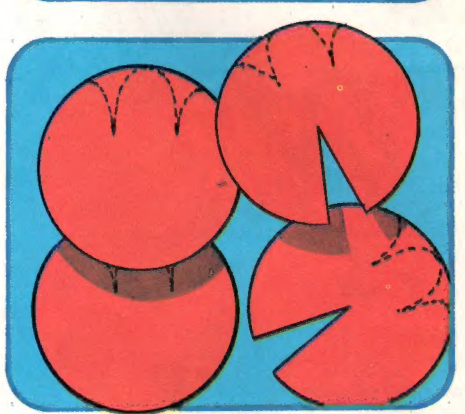
Наконец, сотрудница взяла желтую бархатную бумагу и соскребла с нее лезвием весь бархатный слой. Получился желтый пух.

Теперь осталось только наклеить этот пух на яйцо. У сотрудницы даже нашлись желтые перышки! А если бы и не нашлись, она бы сделала их из бумаги.

Вот так и родилась Агаша.

Рисовал А. АРТЮХ

Вика ИВЧЕНКО

живет в Киеве, ей всего 9 лет, но она многое успевает. Учится в 4-м классе, занимается музыкой, пишет стихи на украинском и русском языках. Публиковалась в еженедельнике «Семья», журналах «Пионер», «Юность». А вот теперь и к нам заглянула.

ВЕЧЕРНИЙ КИЕВ

Кончается февраль.
Еще трещит мороз,
и свет от фонарей
запутался в сугробах.
А на деревьях лютая зима
срывает злобу,
плетя косу
из веточек берез.
На стеклах Дед Мороз
рисует мир лесной.
Продрогшие троллейбусы
ползут по снежным улицам.
На перекрестке светофор
от снежных хлопьев щурится.
А ветер пахнет хлебом и весной.

«ДЕТСКИЙ МИР»

Вот московский «Детский мир».
«Фанту» пей и ешь зефир.
Каждый красочный этаж —
промтоварный вернисаж.
Мы купили для начала
заводную куклу Аллу,
ярко-серые сапожки,
в клетку юбочку гармошкой
и еще карандаши —
те, что любят малыши.
За гостинцы и подарки,
шубу, курточку и марки,
за ботинки на липучках —
заплатили три получки!
Мама всюду мне кричала:
«Выбивай скорее чек!».
В кассах очередь стояла
по пятнадцать человек.
Как огромные верблюды,
мы брели по этажам
среди обуви, посуды,
платьев, курток и пижам.
В самом верхнем дальнем зале
наконец-то мы устали.
И вздохнула горько мама:
«Очень жаль, что денег мало...»

ПРОЩАНИЕ С МУЗЫКОЙ

В мелодической картинке
стал скрипичный ключ сутул.
Виноватые ботинки
сами прячутся под стул.

Ускользает нужный клавиш.
Я играю как-нибудь!
«Ты не там акценты ставишь!
И про локти не забудь!

Ведь у нас концерт во вторник!
Нажимай же на педаль!..»
Словно кит — огромный, черный, —
разевает рот рояль.

Во дворе через резинку
скачут девочки гурьбой.
Музыкальные картинки
март рисует голубой.

Фотографировал Л. ГУСЕВ

6/9

Сдано в набор 6.04.90. Подписано в печать 4.05.90 г.
Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная. Усл. печ.л. 4
Усл. кр.-отт. 16. Уч.-изд. л. 4.
Тираж 2 118 500 экз. Цена 40 коп.
Индекс 70960. № 3/3/

ISSN 0236-3275

Ежемесячный журнал.
Издается с января 1990 года.
Редакционная коллегия.

Рисунки на обложке А. Дубовика.

Адрес редакции:
103803, ГСП, Москва, К-6,
ул. Чехова, 3/10.

Отпечатано в типографии
фирмы «ПРИНТ-ЮХТИЁТ» /Финляндия/
с пленок Можайского полиграфкомбината

при посредничестве В/О „Внешторгиздат

Цена 40 коп.